



HAL
open science

“Митрополит Евлогий и русское православное духовенство в Западной Европе в 1920-1930-ых гг. (на основании архивов Епархиального управления Западно-Европейского Русского Экзархата Константинопольского Патриархата)”

Antoine Nivière

► **To cite this version:**

Antoine Nivière. “Митрополит Евлогий и русское православное духовенство в Западной Европе в 1920-1930-ых гг. (на основании архивов Епархиального управления Западно-Европейского Русского Экзархата Константинопольского Патриархата)”. Международной научной конференции “Религиозная деятельность русского зарубежья” (Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М. И. Рудомино, Центр религиозной литературы и книг русского зарубежья, Москва, 9 - 10 ноября 2005 г.), Nov 2005, Moscou, Russia. <hal-02411220>

HAL Id: hal-02411220

<https://hal.univ-lorraine.fr/hal-02411220>

Submitted on 14 Dec 2019

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire HAL, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Antoine Nivière

**«Митрополит Евлогий и русское православное духовенство
в Западной Европе в 1920–1930-ых гг.
(на основании архивов Епархиального управления Западно-Европейского
Русского Экзархата Константинопольского Патриархата)»¹**

Специалисты по истории русской эмиграции сходятся в том, что в жизни русских беженцев Церковь всегда занимала исключительное место, не только религиозное, но также духовно-воспитательное и культурное, а порою и политическое², об этом свидетельствует, в частности, печальная история юрисдикционных распрей на рубеже 1920–1930-ых гг.³ Именно тогда, как известно, во многих странах Европы сформировались три параллельные юрисдикции – зарубежная («карловацкая»), западно-европейская («евлогианская»), московская («сергианская») –, каждая из них отстаивала права на распространение своего духовного авторитета на все части русского рассеяния в разных странах Европы.

Сложная история церковной жизни русской эмиграции и ее разделений до сих пор не написана и вызывает еще множество споров и разногласий среди специалистов тем более, что основные архивные материалы пока недоступны историкам или не изучены. В рамках начатой нами уже пять лет назад исследовательской работы о духовенстве русской эмиграции (об этой работе речь пойдёт чуть дальше) нам предоставилась возможность поработать с разными архивными материалами, многие из

¹ Сообщение на Международной научной конференции «Религиозная деятельность русского зарубежья» (Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М. И. Рудомино, Центр религиозной литературы и книг русского зарубежья, Москва, 9 - 10 ноября 2005 г.).

² *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. – 2 т. Париж, 1971 ; *Raeff M.* A Cultural History of the Russian Emigration (1919-1939). – New York, Oxford University Press, 1990 (русск. изд.: *Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919-1939. – М., 1994) ; *Struve N.* 70 ans d'émigration russe en France. – Paris, Albin Michel, 1997.

³ Кроме вышеупомянутых общих исследований, можно сослаться на главы, посвященные церковной диаспоре Д. Поспеловским в его книге «Русская Православная Церковь в XX веке». М., 1995. Точка зрения Зарубежной Церкви представлена в трудах о. Г. Зейде (*Seide G.* Geschichte des russischen orthodoxen Kirche im Ausland von des grundung bis in die Gegenwart. Wiesbaden, 1983; *Ibid.* Verantwortung in der Diaspora. Die Russische Orthodoxe Kirche im Ausland. Munchen, 1989). Взгляд Московской Патриархии представлен в книге о. Г. Митрофанова «Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е гг.» (СПб., 1995), а также в статье о. В. Цыпина, опубликованной в последнем томе «Истории Русской Церкви» (М., 1999, т. 9).

которых впервые вводятся в научный оборот. Это преимущественно документы из фонда канцелярии Архиерейского Синода Русской Православной Зарубежной Церкви довоенного периода, который, как известно после войны очутился в Москве, и из фонда архивов Западно-Европейского Русского Экзархата Константинопольского Патриархата.⁴ Этот фонд, находящийся в Париже при Епархиальном управлении Экзархата, еще не разобран. Этим должна заниматься специальная комиссия под председательством проф. Н.А. Струве. Для составления биографического справочника нами были использованы преимущественно «Послужные списки» духовенства Экзархата, а также частично журналы заседаний Епархиального совета и папки с делами некоторых приходов. Работа с этими материалами стала возможной благодаря любезному разрешению ныне уже покойного архиепископа Сергия Евкарпийского и его преемника высокопреосвященного архиепископа Гавриила Команского, экзарха Вселенского патриарха.

До Второй мировой войны в церковный удел митрополита Евлогия входила огромная территория от Финляндии (там две русскоязычные общины отказались от подчинения местной Финской церкви), Чехословакии и Венгрии на востоке до Великобритании и Франции (с ее Северо-Африканскими колониями) на западе. К концу 30-ых гг. Экзархат лишился подавляющего большинства церквей в Германии, которые волей-неволей перешли в юрисдикцию Зарубежного Синода под давлением нацистских чиновников⁵. Но несмотря на эти потери, Экзархат митрополита Евлогия в начале Второй мировой войны насчитывал около ста приходов и церковных общин. О создании и жизни этих церквей сам митрополит Евлогий рассказывает с подробностью во 2-ой части своих воспоминаний, изданных в Париже в 1948 г. под названием «Путь моей жизни». В этой книге довольно часто встречаются имена священнослужителей, обслуживающих эти общины, даются довольно любопытные краткие характеристики того или иного лица, приводятся суждения иногда положительные, иногда отрицательные, но по большей части субъективные, как это обычно бывает в литературных воспоминаниях подобного рода. Все это понятно. Тем не менее, хотелось бы побольше узнать об этих людях, более подробно восстановить их жизненный путь. Вот какую задачу мы поставили перед собой пять лет назад, и сегодня нам хотелось бы

⁴ далее в тексте : АЕУА.

⁵ об этом см. *М.В. Шкаровский*. Нацистская Германия и Православная Церковь. Нацистская политика в отношении к Православной Церкви и религиозное возрождение на территории СССР. – М., 2002.

поделиться с вами первыми итогами нашей работы. В первой части нашего выступления на основании изученных нами архивных материалов мы попытаемся представить разные группы, составляющие зарубежное духовенство в 20ых-40ых гг. прошлого века. Во второй части мы обратимся к самой жизни этих священнослужителей, основываясь на нескольких примерах.

Ключевую роль в церковной жизни эмиграции играли члены православного духовенства, которым было поручено пастырское окормление более миллиона беженцев, разбросанных по всей Европе после окончательного провала Белого Движения в конце 1920 г.⁶ Духовенство составляло самую маленькую долю среди беженцев, которым пришлось покинуть бывшую Российскую Империю. Вместе с остатками Добровольческих армий выехало около десяти процентов епископов и чуть больше половины процента священников православного духовенства дореволюционной России. Такую примерную оценку дает П.Е. Ковалевский.⁷

В странах Антанты и нейтральных государствах при местных русских храмах еще находился назначенный до революции причт, а в Германии и в странах бывшей Австро-Венгерской империи священников фактически уже не было с начала мировой войны. Многочисленные русские храмы в Германии пустовали⁸. Повсюду русские эмигранты взялись за переустройство существующих храмов и за создание новых приходов там, где раньше церковью не было. Как правило, там где возникали русские колонии или просто поселялись группы русских, первым их делом было строительство храма или, по крайней мере, устройство помещения для совершения богослужений. В отличие от дореволюционного периода, эти церкви создавались уже не на курортах, а в рабочих поселках, около заводов. Для обслуживания этих церковей русские беженцы стали обращаться к церковноначалию с просьбой о назначении священника или же непосредственно сами занимались поисками подходящего священника. Как замечает тонкий наблюдатель церковной жизни в эмиграции, В.А. Маевский, «эмиграцкое духовенство носило смешанный характер. Ядром являлось старое русское духовенство, с течением времени вымиравшее. А к нему присоединились люди разного звания,

⁶ О числе беженцев Белой эмиграции, см. 2-ую главу фундаментального исследования М. Раева, указ. соч., с. 38, 261-262.

⁷ Ковалевский П.Е. указ. соч., т. 1, с. 197.

⁸ О состоянии дореволюционного духовенства при русских храмах в странах Западной Европы и о его взаимоотношениях с волной русских беженцев после 1920 г. см. статью Антонова В.В. Невольные изгнанники: русское духовенство в Европе // Зарубежная Россия (1917-1939). – Сб. 3, СПб., 2002

состояния и происхождения, шедшие в ряды духовенства и по призванию и ради “хлеба куска”»⁹.

Среди старого духовенства, которое упоминается В.А. Маевским, священники, назначенные в Западной Европе до революции, составляли отдельную группу. Это были высокообразованные люди, умеющие говорить на разных языках, полностью приспособившиеся к жизни за границей. Они не познали испытаний революцией, Гражданской войной и вынужденным бегством с Родины. Поэтому проблемы внезапно появившейся волны беженцев часто оставались для них непонятными и мешали их миропорядку. В качестве примера можно привести отзыв митрополита Евлогия о духовенстве Св.-Александр-Невского храма в Париже : «Оно было просвещенное, достойное, но никогда не имевшее большого прихода. Контакта с нахлынувшей эмигрантской массой у него и быть не могло. Два мира, две психологии... Духовенству надлежало понять, чем эмиграция жила, а этого понимания ожидать от него было невозможно. Эмиграция – новое, невиданное явление – внесла в тихую церковную усадьбу на рю Дарю суету, беспорядок, непонятные притязания... и духовенство, не понимая своих прихожан, неспособное их объединить, ограничивалось добросовестным исполнением церковных служб и треб»¹⁰. Между тем, это духовенство понемногу вымирало и уходило со сцены, оставляя место людям, невольно покинувшим Россию. В 1921 г. ушел в другой мир священник церкви в Брюсселе¹¹, в 1923 г. скончались маститые протоиереи – настоятель бывшей посольской церкви в Лондоне¹² и строитель храма во Флоренции¹³, в 1935 г. умер настоятель старейшего русского храма в Западной Европе – Стогкольмского¹⁴, а в следующем году

⁹ *Маевский В.А.* Русские в Югославии (1920-1945). – Нью-Йорк, 1966, т. 1, с. 29.

¹⁰ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. Воспоминания митр. Евлогия, излож. по его рассказам Т. Манухиной. / Предисл. и послесл. Т.И. Манухиной. – П., Утса-Press, 1948, с. 410.

¹¹ Протоиерей Александр Константинович Смирнопуло (3.5.1859, Одесса – 31.12.1921, Брюссель). См. Послужный список о. А. Смирнопуло (1921) // АЕУА.

¹² Митрофорный протоиерей Евгений Константинович Смирнов (1845, Рижск. губ. – 4.1.1923, Лондон), См. Послужный список о. Е. Смирнова (1921-1923) // АЕУА.

¹³ Митрофорный протоиерей Владимир Иоаннович Левицкий (1843, с. Сеяновичи, Гродненск. губ. – 2.7.1923, Флоренция, Италия). См. Послужный список о. В. И. Левицкого (1921-1923) // АЕУА.

¹⁴ Митрофорный протоиерей Петр Павлович Румянцев (6.5.1854, г. Самара – 28.11.1935, Стогкольм). См. Послужный список о. В. Рушанова (1931-1934) // АЕУА.

скончались настоятели Св.-Алекса́ндро-Невского храма в Париже¹⁵ и бывшей посольской церкви в Гааге¹⁶...

Положение было не менее трудным и для священников, бежавших из России. Им также было нелегко адаптироваться к новым политическим, социальным и материальным обстоятельствам. Зачастую они тяжело приспосабливались к условиям жизни на чужбине, в незнакомой, а порою враждебной среде, тяжело переносили разлуку с родными. Работа на приходе с мизерной зарплатой, забота об устройстве семьи, частые проблемы и столкновения с прихожанами, к которым эти священники не были подготовлены, поскольку большинство из них являлись выходцами из военного духовенства, — все это действовало на их восприятие окружающего мира. Многие скоро умерли, некоторые же уехали обратно в Советскую Россию, как например иеромонах Андрей (Демьянович) (Биарриц) или протоиерей Сергей Соколовский (Париж) – оба перешедшие в Живую Церковь –, другие пали духом и часто болели. Здесь можно привести пример о. Иоанна Лелюхина, протоиерея из Архангельска, о котором митр. Евлогий писал: «Под влиянием тяжелой семейной драмы (жена и дочери, оставшиеся в России, уклонились в коммунизм), раздавленный этим горем, он с трудом справлялся со своим служением»¹⁷. После неудачного периода настоятельства в Лондонском приходе, митр. Евлогий перевёл его на ту же должность во Флоренции: «К сожалению, и здесь несчастный о. Лелюхин с горя не справился со своим служением»¹⁸, — замечает архиерей.

В большинстве случаев эмигрировавшие через Константинополь священнослужители не без труда добрались до Сербии и Болгарии, где нашли место либо на малочисленных русских приходах, либо на приходах Поместных Церквей. После Первой мировой войны Сербская Православная Церковь испытывала недостаток в пастырях, по этому она охотно принимала русских священников на свои приходы, особенно сельские¹⁹. В письме от 1922 г. митрополит Антоний (Храповицкий) писал о

¹⁵ Протопресвитер Иаков Георгиевич Смирнов (1.10.1854, пог. Никольский на Дубне, Владимирск. губ. – 13.7.1936, Париж). См. Послужный список о. И. Смирнова (1921-1936) // АЕУА.

¹⁶ Протоиерей Алексей Алексеевич Розанов (1872, с. Мшаги, Новгородск. губ. – 26.5.1936, Гаага). См. Послужный список о. А. Розанова (1921-1936) // АЕУА.

¹⁷ *Евлогий*. указ. соч., с. 425-426.

¹⁸ *Евлогий*. указ. соч., с. 433.

¹⁹ Привлечение русских священников на сербские приходы объясняется тем, что за время Первой мировой войны Сербская Православная Церковь потеряла больше тысячи священников, т.е. свыше одной трети от довоенного количества. Сама территория нового государственного образования — Королевства сербов, хорватов и словенцев (К.С.Х.С.), впоследствии Югославии — превышала размеры прежнего

них : «Священников, не определенных еще на сербские приходы, нет вовсе, а пребывающие в Константинополе нищие, им даже патриарх сербский не может за эти 10 месяцев выхлопотать визы. Двое там умерли, почти с голоду. Правда, 24 визы послали 46 просителям, но тогда, когда 20 уже и сами пребрались сюда, дав взятку в Константинополе, где следует. Остальные 22 остались там. Еще есть надежда, что пробьются сюда 7 военных священников из Бизерты»²⁰. Положение русских священников на сербском или болгарском приходах было в целом довольно тяжёлым как в духовном, так и в материальном плане. Они не могли рассчитывать ни на продвижение по иерархической лестнице в местной церкви, ни на улучшение своей жизненной судьбы. Взаимоотношения с пасомыми, состоящими из чужих им людей по духу, по языку и по обычаям, складывались не без труда. Все надеялись на назначение на русские приходы. Но в Сербии и Болгарии таких приходов было не больше двадцати – не считая десятка домовых церквей при русских гимназиях и эвакуированных из России кадетских корпусах, однако все эти общины были, пожалуй, еще беднее сельских приходов поместных Церквей.

В связи с этими обстоятельствами, многие нашедшие убежище в Балканах священнослужители старались затем перебраться в те или иные страны Западной Европы, где положение в материальном плане считалось сравнительно более благополучным, и там получить назначение на какой-нибудь из новоустроенных приходов. Но свободных мест в этих странах тоже было мало, средств на содержание церковных причтов везде не хватало. Именно поэтому местные епископы обыкновенно отказывали в подобных прошениях. К тому же епархиальная власть часто опасалась недостаточной гибкости со стороны таких кандидатов, а также их неспособности к приходской жизни в неправославной стране. К примеру, в Парижских архивах Епархиального Управления Русского Экзархата Константинопольского Патриархата хранятся два-три десятка писем к митрополиту Евлогию от живущих в Югославии и Болгарии русских священников с просьбой об определении на приход во Франции. На большинстве этих писем стоит резолюция митрополита Евлогия «отказать за неимением свободной вакансии».²¹ Заметим также, что те редкие священники, которые всё же получили приглашение с определением на приход во Франции, не всегда могли

Сербского государства в несколько раз, что требовало резкого увеличения священнослужителей (см. *Косик В.И.* Русская Церковь в Югославии (20-40ые гг. XX в.). – М., 2000).

²⁰ *Антоний (Храповицкий), митр.* Письма. – Джорданвилль, 1988, с. 152.

²¹ Прошения священнослужителей о местах (1924-1938) // АЕУА.

адаптироваться к жизни в стране и уже через два-три года многие из них уезжали обратно. Иногда их судьба заканчивалась трагично. Так, например, иерей Вячеслав Зейн, бывший чиновник министерства внутренних дел, принявший священство после революции в Одессе, служил на сербском сельском приходе в Македонии. Приехав во Францию в конце 1927, он состоял настоятелем Св.-Спиридоновской церкви в местечке Ромба на севере Лотарингии, где многие русские работали в шахтах в тяжелейших условиях. А он сам не выдержал такой участи и шесть месяцев спустя вернулся в Сербию, где снова поступил на службу на сербский приход. Его ожидала трагическая кончина : он был убит югославскими партизанами-коммунистами в 1942 г.²² Жизнь его преемника в церкви Ромба не менее трагична. Отец Лука Голод, высланный из Польши за отказ от подчинения конкордату с правительством и от принятия автокефалии Польской Православной Церкви, получил от митрополита Евлогия назначение на приход сначала в Ромба, где прослужил два года, а затем в Покровскую церковь в Лионе, где также пробыл два года. В 1932 г. он уехал обратно в Польшу, однако из-за того, что он подчинялся юрисдикции Литовской епархии Московской Патриархии, у него скоро возникли новые проблемы с властью. Дальнейших сведений о нем не имеется, известно лишь, что он погиб после войны в 1947 г. от преследований со стороны советской власти.²³

Конечно, среди бежавших из России священников было немало незаурядных личностей, как, например, протоиерей Георгий Спасский, из морского духовенства, выдающийся проповедник и основатель многих приходов во Франции, преждевременно скончавшийся в Париже в 1934 г. Вот что о нем пишет митрополит Евлогий: «Еще во время службы на флоте, а потом в изгнании в Бизерте он приобрел популярность как прекрасный оратор, образованный и литературно одаренный человек. Он был священником нового склада, ищущим глубокого общения с народом, знавшим его нужды и горести. (...) В эти годы эмигрантского невзгодия о. Георгия можно было видеть в бедных каморках, в подвалах, среди больных и убогих. За день он успевал посетить двадцать-тридцать домов. Умер он скоропостижно от разрыва сердца 16 января 1934 г. во время лекции»²⁴. Другим примером является протоиерей Димитрий

²² Архив: Послужный список о. В. Зейна (1927-1928) // АЕУА. Лит.: Споменица православных свештеника 1941-1945 жертва фашистичког режима и палих у НОБ. — Белград, 1960.

²³ Послужный список о. Л. Голода (1929-1932) // АЕУА.

²⁴ *Евлогий*. указ. соч., с. 383.

Троицкий, тоже рано умерший, основатель нескольких приходов во Франции. «Священник о. Димитрий Троицкий принадлежал к типу так называемых священников-бытовиков, которых было немало в эмиграции. Он знал почти всех прихожан, бывал у них дома, знал все семейные тайны и трудности. Такие священники, простые и непритязательные русские люди, сделали очень много для спасения эмигрантов»²⁵. Или еще протоиерей Сергей Четвериков, до революции талантливый законоучитель в Самаре и Полтаве, в эмиграции бессменный духовник РСХД и 1-й настоятель движенской церкви в Париже, автор замечательных книг о духовной жизни вообще и о возрождении умного делания в русских монастырях в частности.

Огромное количество членов эмигрантского духовенства происходило из южных областей Европейской России, например, первый настоятель русского прихода в Марселе с 1921 г. по 1938 г., отец Павел Брилев, который раньше состоял приходским священником в Одессе, или отец Григорий Ломако, выходец из Кубани, скончавшийся в Париже в 1959 г. в должности настоятеля Св.-Алекса́ндро-Невского собора, который до революции служил при Екатеринодарском кафедральном соборе. Но на самом деле бывшие приходские священники представляли всё же редкое явление в рядах клириков-эмигрантов. Большинство из этих последних принадлежало военному ведомству. Это были преимущественно полевые священники военных частей Белой армии. Многие из них до этого служили полковыми священниками в царской армии. Они принимали участие в Первой мировой и Гражданской войнах. Некоторые даже были удостоены знаками отличия за храбрость на поле брани. Среди них находились полковой священник Корниловского ударного полка о. Леонид Розанов (умер в Берлине в 1936 г.), полевой священник 2-ого офицерского стрелкового полка Дроздовской дивизии о. Феодор Каракулин (умер во Франции в 1937 г.), полевой священник 23-го Донского Казачьего конного полка о. Владимир Федоров (тоже умер во Франции в 1954 г.), и многие другие. Более редкими были священники, которые покинули Россию вместе с остатками Белых армий на Северном и на Северо-Западном фронтах. Можно упомянуть протоиереев Всеволода Перовского и Иоанна Лелюхина, которые являлись выходцами из Архангельской епархии. С Сибирского фронта почти ни один священнослужитель не попал в Западную Европу после окончания

²⁵ Костиков В.В. Не будем проклинать изгнание... Пути и судьбы русской эмиграции. – М., 1994, с. 386.

Гражданской войны.²⁶ Разумеется, те из них, кто покинул пределы бывшей Российской Империи через Дальний Восток, остановились преимущественно в Китае.

Можно также сосчитать по пальцам одной руки тех священнослужителей, которые покинули Советскую Россию уже после окончания Гражданской войны. Указом Совнаркома известный крупный богослов и философ протоиерей Сергей Булгаков был выслан в конце 1922 г. Позже, не без опасности и приключений, удалось бежать из Советского Союза трем-четырем священникам, не более того. Кроме небезызвестного о. Михаила Польского, автора первой книги свидетельства о гонениях на Церковь и ее служителей в Советской России²⁷, следует упомянуть о. Симеона Солодовникова (из Ленинграда), о. Андрея Васильковского (из Каменецк-Подольской области), о. Николая (Пекатороса) (из Одессы). Два первых получили приходы от митрополита Евлогия во Франции, но затем перешли в Зарубежную Церковь.²⁸ Третьему было отказано в назначении за неимением свободной вакансии, и он поселился в Греции. Позже он стал священником зарубежного прихода в Вашингтоне.²⁹ В самом начале 1930-ых гг. из Эстонии приехал во Францию бывший священник сельской церкви Ямбургского уезда (Петроградская епархия), чудом избежавший расстрела после революции – о. Алексей Медведков, недавно причисленный к лику святых Православной Церкви. Этого кроткого батюшку Митрополит Евлогий определил на самую захолустную общину – Южинский приход в Альпийских горах.

На смену дореволюционным священнослужителям, как говорилось выше, приходилось искать новые силы. Нельзя согласиться с замечанием В.А. Маевского о том, что «духовенство неохотно пускало новых пришельцев в свои ряды»³⁰. На самом деле появилось новое поколение духовенства или, правду говоря, целые новые поколения. Можно выделить три-четыре группы. Первая группа состоит из людей, которые еще в России до эмиграции трудились вне церковной ограды, на гражданской

²⁶ Единственным исключением является о. А. Шабашев, управляющий военным духовенством при Верховном Правителе в Сибири адмирале Кольчаке, но он добрался до Европы кружным путем : он эвакуировался через Дальний Восток в Австралию, а оттуда в США. В Европу приехал только в 1933 г. и служил сперва в Цюрихе, а затем в Брюсселе, откуда уехал в Парагвай в конце 2-ой мировой войны, чтобы избежать репрессии за сотрудничество с нацистской властью.

²⁷ *Польский М., прот.* Новые мученики российские. – Дж., т. 1, 1947, т. 2, 1957.

²⁸ Архив: Прощения священнослужителей о местах : о. Андрей Васильковский // АЕУА. Архив: Послужный список о. С. Солодовникова (1930-1931) // АЕУА.

²⁹ Архив: Прощения священнослужителей о местах : о. Николай (Пекаторос) // АЕУА. Лит.: Памяти архим. Николая (Пекатороса) // ПР, 1992, № 6.

³⁰ *Маевский В.А.* указ. соч., с. 29-30.

или на военной службе. Многие из них приняли священство в эмиграции уже в очень преклонном возрасте. Для них священство являлось продолжением службы «общему делу», России и его многострадальному народу. Например, можно назвать имена протоиерея Александра Калашникова – бывшего старшего инспектора Государственного Банка, протоиерея Михаила Осоргина – бывшего Тульского губернатора, архимандрита Алексия (Недошивина) – чиновника министерства финансов, или епископа Иоанна (князя Куракина) – придворного аристократа, бывшего члена Государственной Думы. Все были сравнительно пожилые люди – им было по 60-70 лет. Но далеко не все посвятили себя церковному служению, достигнув преклонного возраста. Например, следует напомнить о светлом образе о. Александра Ельчанинова, прекрасного педагога, бывшего директора гимназии в Тифлисе, который остался для многих примером молодого, деятельного, просвещенного пастыря, умеющего работать с молодежью. Став священником в Ницце в 1926 г., он безвременно умер в Париже от рака в 1934 г. Его духовные записки, посмертно изданные в 1935 г. и неоднократно переизданные впоследствии, оказали огромное влияние на многих будущих пастырей – и не только – в русской эмиграции³¹. Многие новоиспеченные священники вышли также из рядов высшего офицерства. Здесь можно упомянуть, например, архимандрита Митрофана (Ярославцева) – бывшего генерала-майора в царской армии, протоиерея Иоанна Церетели – бывшего полковника при генеральном штабе во время 1-ой мировой войны, и мн. др. Один из них даже удостоился возведения в архиерейский сан – владыка Никон (Гревве), бывший полковник Добровольческой армии на юге России, выпускник Парижского Свято-Сергиевского богословского института, который стал викарным епископом у митрополита Евлогия в феврале 1946 г.

Во второй группе находятся люди, которые начали получать среднее и высшее образование в России до революции, но вследствие войны и революции не закончили его. Они поступили в армию, кто по призыву, кто добровольно, и приняли участие в Первой мировой, а затем и в Гражданской войне. Большинство из них были выходцами из духовенства. Это были или бывшие семинаристы или недоучившие студенты духовных академий, которые теперь находясь в эмиграции решили закончить свое богословское образование, а уже потом – иногда не без определённых трудностей и

³¹ Ельчанинов А., *свящ.* Записки. П., 1935. О влиянии о. Александра и его записок, см. воспоминания о. А. Князева (*Kniazeff A.* «Comment je suis devenu prêtres» — *Mémoires (1913-1947)*. – Paris, 1989, машинопись по-французски, 114 с.).

кружных путей – вернуться к своему первоначальному призванию или к служебной традиции родного сословия. Таких людей так много, что всех не перечислишь. Ограничимся лишь несколькими примерами. Отец Владимир Гусев (1894-1982), окончивший пять классов Минской духовной семинарии, участвовал в Гражданской войне в рядах 2-ого Корниловского ударного полка. Он эвакуировался вместе с Белой армией в Болгарию, где и закончил полный курс Софийского Богословского факультета перед тем, как стать священником во Франции, а затем в Швейцарии.³² Отец Валент Роменский, сын сельского священника в Украине, на 4-ом курсе Харьковской Духовной Семинарии поступил добровольцем в Белую Армию.³³ После эвакуации в Галлиполи и нескольких лет тяжелой физической работы на каменоломне в Балканских горах, он окончил Станимакское пастырско-богословское русское училище в Болгарии, а затем Парижский Св.-Сергиевский Богословский Институт. Став священником в 1932 г., он служил сорок пять лет на приходе в Бельгии и на юге Франции. О нем митр. Евлогий отзывался как о «человеке умном, толковом, пламенном и предприимчивом», который «ринулся самоотверженно в приходскую работу». Благодаря деятельности отца Валента Роменского приход в Льеже, куда митр. Евлогий его направил по окончании богословского института, полностью изменился : было создано сестричество, стали выпускать приходской листок. Но самой большой заслугой о. Роменского является постройка настоящей каменной церкви на месте прежнего временного помещения для богослужений. «Церковь – имени св. Александра Невского и преп. Серафима Саровского. Она одна из лучших в эмиграции. А десять лет не могла русская колония своей церковно-приходской жизни наладить ! Отец Роменский оживил и воскресил приход», писал о нем митрополит Евлогий³⁴. Фактически отец Роменский построил церковь в Льеже два раза. Построенный им в 1930-ых гг. храм был полностью разрушен во время бомбардировки г. Льежа американской авиацией в 1944 г. Сам священник и его прихожане чудом спаслись — налет американцев произошел в субботу вечером, когда обычно совершалось бдение, но в этот же самый день бдение было отменено из-за внезапного заболевания настоятеля. После окончания войны о.

³² Прощения священнослужителей о местах // АЕУА ; Послужный список о. В. Гусева (1936-1946) // АЕУА.

³³ Послужный список о. В. Роменского (1932-1977) // АЕУА ; *Н.С. Памяти протопр. Валента Роменского. Пример служения России и православию в изгнании* // РМ, 17.8.1978, № 3217.

³⁴ *Евлогий, митр.* указ. соч., с. 463.

Роменский сразу принялся за строительство новой церкви, более обширной, более красивой. Она была освящена в 1953 г.³⁵

Следует отметить, что далеко не все священнослужители принадлежали к дореволюционному замкнутому духовному сословию. Среди них были и выходцы из дворянства, и из интеллигенции, и из инженерской среды, люди, которые в эмиграции под впечатлением пережитых ужасов Гражданской войны и долгих скитаний переоценили смысл своей жизни. Многие из них пошли учиться в новосозданные пастырские и богословские школы в Болгарии, Сербии, Париже, а затем приняли священнический сан и стали служить на приходах. Можно привести примеры архимандрита Евфимия (Вендта), инженера-конструктора по специальности, или иеромонаха Серапиона (Сухиха) и протоиерея Германа Бартенева обоих инженеров на судостроительных заводах в России, или еще протоиерея Олимпа Пальмина, выпускника Юридического факультета Томского университета, мирового судью до революции.³⁶ Вот что писал о нем журналист «Последних Новостей», автор серии репортажей о повседневной жизни русских эмигрантов во французских регионах, Константин Парчевский : «Наладил приходскую жизнь энергичный отец О. Пальмин. По происхождению сибиряк, по образованию юрист, он долго был простым рабочим в Париже и только два года, как принял сан и получил назначение в Бордо. В материальном отношении положение рабочего в Париже было, вероятно, много лучше, нежели эмигрантского священника, ютящегося в маленькой каморке рядом с церковью. Жизнь приходит в движение. Приход большой, разбросанный по трем департаментам. Прихожане, естественно, не могут часто бывать в церкви, и священнику приходится

³⁵ Новый храм в Льеже // Церковный Вестник. – П., 1953, № 6 (45), с. 28.

³⁶ ПАЛЬМИН Олимп Иоаннович (10.11.1888, с. Берещовское, Енисейск. губ. – 20.10.1956, Париж), протоиерей. Из семьи духовенства, сын священника в Сибири, холост. Окончил Красноярскую Духовную семинарию и Юридический факультет Томского университета, мировой судья, участвовал в 1-ой мировой войне в одном из Сибирских полков, эмигрировал через Константинополь во Францию (1921), работал на заводе в Монтаржи, затем в Клиши, староста Троицкого прихода в Клиши (1933), состоял в юрисдикции митр. Евлогия (Георгиевского), диакон (4.12.1933), священник (5.12.1933), рукоположение совершил митр. Евлогий (Георгиевский) в Св.-Алекса́ндро-Невском храме в Париже, помощник настоятеля Св.-Николаевской церкви в Братиславе (1933-1934), настоятель церкви Казанской иконы Богородицы в г. Бордо (1934-1948), протоиерей (7.1.1944), 3-й священник Св.-Алекса́ндро-Невского собора в Париже (1948-1956), член епархиальной ревизионной комиссии, вице-председатель общества «Икона», член «Союза бывших деятелей русского судебного ведомства». Архив: Послужный список о. О. Пальмина (1933-1956) // АЕУА. Лит.: *Ковалевский П.Е.* Прот. О. Пальмин (некролог) // РМ, 25.10.1956, № 969 ; *Евлогий, митр.* Путь моей жизни.

самому посещать их, совершать богослужения то в маленьких местечках, то в сравнительно далеком Ла Рошеле, то на фермах»³⁷.

Последняя группа состоит из людей, которые родились незадолго до революции или в самые первые годы эмиграции и получили полное среднее и высшее образование в странах, уже приютивших их родителей – в Белграде, в Праге, в Париже и других местах. Их тоже не перечешишь. Среди них можно выделить выдающихся архипастырей и духовных наставников как архиепископа Иоанна (Шаховского), епископа Мефодия (Кульмана), архиепископа Павла (Гольшева), или крупных православных богословов 2-ой половины 20-ого века – протопресвитеров Александра Шмемана и Иоанна Мейендорфа, которые начали свое служение на церковном поприще, прислуживая при митрополите Евлогии в Св.-Александр-Невском храме в Париже.

Для того, чтобы подвести итоги относительно социального происхождения священников, рукополагаемых в епархии митр. Евлогия за период 1921-1945 гг., приведём следующие цифры. За указанный период было посвящено во иереи всего 110 человек. Для 30-ти из них социальное происхождение не указано в предварительном обыске перед хиротонией. Из остальных по отцовской линии 28 человек являются выходцами из духовного сословия, 19 из дворянства, 10 из интеллигенции, 6 из чиновничества, 5 из военных чинов, 4 из купечества и мещанства, 3 из крестьянства, 3 из казачества, 2 из рабочих и ремесленников.

А теперь обратимся к жизни духовенства в эмиграции. Какими бы ни были церковные юрисдикции, под которой состояли эмигрантские священнослужители, перед всеми епархиальными начальствами стояли одни и те же трудные проблемы: недостаток духовенства и его полная необеспеченность. Решение первой проблемы осуществлялось двумя способами: во-первых, через принятие в ряды духовенства людей из других сословий, которые проходили свое обучение на местах в приходе; во-вторых, за счёт обучения в богословских учебных заведениях. В первом случае священниками без предварительной полной богословской подготовки, приняв посвящение уже в эмиграции, становились – как мы уже видели – чаще всего бывшие военные или государственные чиновники, реже интеллигенция. Возможности получения православного богословского образования для русских эмигрантов были во

³⁷ *Парчевский К.К.* Бордо // Последние Новости – П., 26.10.1936, № 5696 (перепеч. *Парчевский К.К.* По русским углам. – М., 2002, с. 79).

многим ограничены, в особенности в западноевропейских странах. Поэтому среди важнейших достижений церковной истории эмиграции нельзя не отметить создание в Париже Св.-Сергиевского православного богословского института в 1925 г. Именно в этом году переезд из Праги и Белграда в Париж крупных русских религиозных мыслителей и философов, среди которых прот. С. Булгаков, В.В. Зеньковский, Г.В. Флоровский, Г.П. Федотов, С.С. Безобразов, обусловил решение вопроса об открытии высшего богословского учебного заведения для русской эмиграции. Самое активное участие в создании школы принимал митр. Евлогий, который сумел поставить дело на правильные рельсы в том числе и с хозяйственной стороны, даже если материальная жизнь института всегда оставалась непрочной. Необходимо заметить, что Св.-Сергиевский институт относился к ведению митр. Евлогия. Вследствие этого выходит, что огромное число его выпускников проходило свое дальнейшее пастырское служение на приходах Западно-Европейского церковного округа митрополита Евлогия и его преемников. По меткому замечанию Марка Раева, «Если рассматривать культурную жизнь русской эмиграции (за исключением Белграда и в меньшей степени — Софии), именно митрополит Евлогий и церковная организация, которую он возглавлял, играли центральную и творчески активную роль»³⁸. Такое достижение является во многом результатом активного участия преподавателей и выпускников Св.-Сергиевского института в самых разных областях творческой жизни русской эмиграции.³⁹

Другим болезненным вопросом являлся вопрос материального обеспечения духовенства. Некоторые из приходов были многочисленны и могли содержать священника. Другие приглашали священника время от времени. Материальное положение оставляло желать лучшего. Митр. Евлогий писал о своих священниках: «Иногда оклад жалованья нищенский. Бывают дни – приходится голодать, разве кто-нибудь из прихожан покормит»⁴⁰. Действительно, многие священнослужители, особенно в маленьких приходах, бедствовали. Так, например, в 1930-ых гг. месячный доход церкви во французском городе Тур составлял 150 франков, при прожиточном минимуме 300 франков. Понятно, на такой приход митр. Евлогий смог определить только настоящего подвижника, скромного иеромонаха с Афонской горы, о. Варнаву

³⁸ Раев М. указ. соч., с. 159.

³⁹ Об истории института см. *Kniazev A. L'Institut Saint-Serge. De l'academie d'autrefois au rayonnement d'aujourd'hui.* – Paris, 1974, а также *Давыдов К.К., Ершова С.Н., Козьрев А.П., Корольков А.А., Осоргин Н.М. (сост.) Свято-Сергиевское Подворье в Париже. К 75-летию со дня основания.* – СПб., 1999.

⁴⁰ *Евлогий, митр.* указ. соч., с. 414.

(Сенюкова).⁴¹ По всей вероятности, именно о нем и думает митр. Евлогий, когда пишет в своих воспоминаниях : «Всё же были приходы, где священник имел буквально нищенское содержание и был настоящим аскетом»⁴². Чтобы сводить концы с концами некоторые из священнослужителей находили дополнительный заработок. Они работали не только законоучителями и преподавателями, но даже простыми рабочими на фабриках и заводах, а возвращались к своей пастырской деятельности лишь по субботам-воскресеньям и праздникам.

Хочется привести здесь один пример из путевых заметок К. Парчевского : «Отец диакон, бывший военный, а теперь чернорабочий масляной фабрики в Бордо. Приехав сюда по контракту из Болгарии на вагоностроительный завод, он, отбыв контракт, устроился на работу по производству масла из арахиса и недавно посвятился в дьяконы. Коротко остриженный и гладко выбритый, в обыкновенном костюме, в будни он – беженец-рабочий, по праздникам в полном облачении, во время богослужения, – вдохновенно возглашающий воззвания ектеньи дьякон, буквально осуществляющий заповедь о шести днях труда и седьмом, посвященном Господу и Богу»⁴³. В процитированном отрывке речь идет об отце Георгии Павловском, который проходил диаконское служение в приходе Бордо десять лет подряд с 1936 г. по 1946 (сорок шестой) г. О нем известно из послужного списка, что он происходил из семьи малороссийского крестьянства. Желая посвятить себя церковному служению он выдержал испытание на диаконский сан при Одесском духовном училище в 1915 г., но в том же году был призван в действительную армию. Он прошел через бои Первой мировой и Гражданской войн, имел чин прапорщика. В 1920 г. он эвакуировался в Константинополь, откуда переселился в Болгарию. Во Францию приехал в 1930 г., работал на заводах в г. Бордо, одновременно с 1932 г. служил псаломщиком при церкви

⁴¹ ВАРНАВА (Сенюков Владимир Михайлович; 15.7.1879, г. Ефремов, Тульск. губ. – 14.9.1952, Розэ-ан-Бри, Франция), иеромонах. Из семьи крестьянства, холост. Поступил послушником в Св.-Андреевский скит на Афоне (1901), пострижен в монашество (9.4.1914), иеродиакон (19.1.1912), иеромонах (24.9.1913), командирован с поручением отправления пастырских обязанностей для русских беженцев в Константинополе (20.8.1920), приписан к Российской посольской церкви в Константинополе (1920-1923), затем к церкви Андреевского подворья в том же городе (1923-1928), приехал во Францию по приглашению митр. Евлогия (Георгиевского) и принят в клир его епархии (15.3.1928), настоятель прихода в Туре и Анже (25.4.1928-1948), возведен в сан игумена (4.5.1940), но от награды отказался, вышел за штат в русский старческий дом в Розэ-ан-Бри. Архив: Послужный список о. Варнавы (Сенюкова) (1928-1952) // АЕУА. Лит.: *Евлогий, митр. Путь моей жизни* ; *Авраамий архим. Памяти почившего собрата и сослужителя* // ЦВ, 1953, № 1 (40) ; *Ковалевский П.Е. Кончина иеромонаха Варнавы* // РМ, 26.9.1952, № 488.

⁴² *Евлогий, митр.* указ. соч., с. 201.

⁴³ *Парчевский К.К.* указ. соч., с. 80-81).

Казанской иконы Божия Матери в том же городе. Он был рукоположен во диаконы митр. Евлогием 5 января 1936 г., а затем стал священником-помощником настоятеля церкви г. Бордо. Иерейское рукоположение совершил архиеп. Владимир (Тихоницкий), преемник митр. Евлогия, в Св.-Алекса́ндро-Невском храме в Париже 7 ноября 1946. Правда, священником он служил недолго – только пять месяцев –, поскольку он внезапно скончался в апреле следующего года в возрасте 53-ёх лет.⁴⁴

В рабочих районах, где были сконцентрированы многочисленные русские колонии – в Коломбеле, в Крезе, в Нильванже, например – определенную помощь местным русским пастырям оказывали заводы. Для облегчения участи священнослужителя (при согласии его и рабочих) заключались договоры с управлениями предприятий, «которые сами собирали, вернее, вычитали из получки, два процента в пользу храма и священника с тех, которые высказывали на это согласие. В этих приходах священник был освобожден от тягостной обязанности собирать деньги среди местной колонии»⁴⁵. Можно привести пример о. Феодора Рогова (1896-1977), из поручиков Русского экспедиционного корпуса на Французском фронте во время Первой мировой войны. После окончания войны, он остался во Франции и устроился на работу на металлургические заводы Северной Лотарингии, затем стал счетоводом на фирме рудника. Одновременно он служил в местном приходе сперва в качестве псаломщика, а затем и диакона. Он остался бы, по всей вероятности, всю жизнь диаконом, если бы во время Второй мировой войны не произошло разделения Лотарингии. Пришлось быстро найти священника для окормления русских, живущих на отрезанной немцами северной части региона. Отец Феодор Рогов был посвящен во иерея. Он продолжал формально числиться в списке служащих предприятия рудника,

⁴⁴ ПАВЛОВСКИЙ Георгий Семенович (21.4.1894, с. Ново-Киевка – 5.4.1947, Бордо, Франция), священник. Из семьи крестьянства. Выдержал испытание на диаконский сан при Одесском духовном училище (1915), вступил в действительную армию (1915), окончил Владикавказскую школу прапорщиков (1917), участник 1-ой мировой войны и Гражданской войны в рядах Добровольческой армии, эвакуировался в Константинополь (1920), переселился в Болгарию, а потом во Францию (1930), работал на вагоностроительном заводе в г. Бордо, а затем на фабрике производства растительной масла, одновременно служил псаломщиком церкви Казанской иконы Божия Матере в г. Бордо (7.5.1932), состоял в юрисдикции митр. Евлогия (Георгиевского), рукоположен во диаконы (5.1.1936), диакон церкви Казанской иконы Богородицы в г. Бордо (1936-1946), священник (7.11.1946), рукоположение совершил архиеп. Владимир (Тихоницкий) в Св.-Алекса́ндро-Невском храме в Париже, помощник настоятеля Казанской церкви в Бордо (1946-1947). Архив: Послужный список о. Г. Павловского (1936-1947). // АЕУА. Лит.: *Пальмин О., прот.* Памяти священника о. Г. Павловского // ЦВ, 1947, № 8.

⁴⁵ *Евлогий, митр.* указ. соч., с. 201.

хотя его участие в фирме заключалось только в переводе кое-каких официальных бумаг с русского языка на французский и немецкий⁴⁶.

Важно отметить, что в зависимости от численности местной церковной общины один священник мог обслуживать один приход или брать под свою опеку еще несколько других общин или даже приходов (чаще всего обособленных и удаленных друг от друга). Например, к Св.-Николаевской церкви в г. Тулузе были приписаны общины в десяти близких департаментах, к приходу в г. Лилле несколько маленьких северных общин. Там, где не было постоянного священника приходилось время от времени посылать из епархиального центра священнослужителя, чтобы отправлять требы или богослужения великих праздников. Все это породило понятие «разъездного священника». Такое явление было нередким до Второй мировой войны – в особенности в тех местах, где приходская жизнь была еще на первоначальном этапе формирования, или там, где не было достаточной группы верующих, чтобы создать вполне устроенный приход.

Однако же, несмотря на все эти церковно-административные, материальные и человеческие затруднения, приходы жили благодаря самоотверженности своих ревностных пастырей (и их семей, не нужно забывать о роли матушек). Долголетний наблюдатель и сам участник культурной и церковной жизни эмиграции, историк П.Е. Ковалевский вспоминает : «Вокруг церквей объединялись русские и в центре их общественной и культурной работы почти всегда стоял храм. Начав со скромных комнат в частных квартирах, иногда даже без иконостаса и с временным столом для литургии, как это было в первых приходах в окрестностях Парижа в 1923-1924 гг., русские колонии обзаводились постепенно постоянными помещениями, потом строили церкви-баракы, которые украшались и расширялись. Следующим этапом было построение деревянного храма, который потом заменялся кирпичным, а иногда и каменным с куполом и звонницей»⁴⁷. Вместе с приходом создавались школы, читальни, библиотеки, сестричества, хоры, организации молодежи, благотворительные учреждения. Ключевую роль во всех этих начинаниях часто играл священник. Он был душой прихода : сам участвовал в работах постройки церкви, в организации местной колонии, в ее культурной жизни. «Если человек не идет в церковь, она сама, в лице священника, идет к человеку», замечал К. Парчевский. И далее : «Положение

⁴⁶ Послужный список о. Ф. Рогова (1932-1977) // АЕУА.

⁴⁷ Ковалевский П.Е. указ. соч., т. 1, с. 200.

эмигрантского священника трудно не только в материальном отношении, которое обычно представляет собой совершенно нищенское существование и на которое можно пойти только по идейным основаниям. Надо много такта, осторожности, умения ладить с чрезвычайно разными в культурном отношении людьми, чтобы сглаживать все противоречия и шероховатости, вести и развивать приходскую жизнь. Провинциальный священник не только совершитель треб и богослужений – он непременно утешитель в печальной беженской судьбе, умиротворитель, консультант по самым различным общественным и бытовым вопросам, учитель беженских детей, часто посредник в отношениях с властями и работодателями, иногда – переводчик и подвижное бюро труда, и всегда странник, поддерживающий связь между прихожанами»⁴⁸.

Можно проиллюстрировать эти слова рассказом о целом ряде образцовых приходов во Франции, в Парижских окрестностях – Аньерском, Бийякурском, Медонском –, но и в провинции тоже – в Кнютанже (Лотарингия), в Коломбеле (Нормандия), и проч. В Коломбеле, рабочем поселке по близости Кана, в 1930-ых – 1940-ых гг., не без влияния местного батюшки, энергичного молодого выпускника Св.-Сергиевского института, о. Михаила Соколова,⁴⁹ вышли из среды рядовых прихожан этой церкви три новых священника – оо. Николая Смирнова, Александра Ергина и Евгения Попова. Первый из них, бывший нотариус при Екатеринославском суде, священствовал в Бордо и на Лазурном побережье,⁵⁰ второй, из школьных учителей,

⁴⁸ Парчевский КК. указ. соч., с. 80.

⁴⁹ СОКОЛОВ Михаил Алексеевич (5.5.1901, г. Бердянск, Екатеринославск. губ. – 16.3.1981, Сан-Франциско), митрофорный протоиерей. Женат. Окончил Петроградский Кадетский корпус (1916), участвовал младшим офицером в 1-ой мировой войне, участник Гражданской войны в рядах Добровольческой армии, эвакуировался вместе с Черноморским флотом в Бизерт (1920), жил в Тунисе (1920-1922), переселился во Францию (1922), окончил Парижский Св.-Сергиевский богословский институт (1928), состоял в юрисдикции митр. Евлогия (Георгиевского), диакон (30.9.1928), священник (8.10.1928), рукоположение совершил митр. Евлогий (Георгиевский) в храме Сергиевского Подворья в Париже, настоятель Св.-Сергиевской церкви в Коломбеле (14.10.1928-15.12.1942), протоиерей (7.1.1941), настоятель Св.-Серафимовской церкви в Париже (15.12.1942-1962), член ревизионной комиссии Св.-Сергиевского богословского института (1943), уехал в Америку и принят в клир Северо-Американской Русской Митрополии (1962), сверхштатный священник Троицкого каф. собора в Сан-Франциско (12.12.1962-22.8.1966), настоятель Христо-Рождественской церкви в Сан-Франциско (22.8.1966-1.7.1979), митрофорный протоиерей (1968), вышел за штат по старости (1.7.1979). Архив: Послужный список о. М. Соколова (1928-1962) // АЕУА.

⁵⁰ СМІРНОВ Николай Александрович (1888, г. Мозырь, Минск. губ. – 30.4.1963, Грасс, Франция), протоиерей. Из семьи духовенства, сын преподавателя гимназии, внук священников со стороны отца и матери, холост. Окончил классическую гимназию г. Мозыря и Юридический факультет Киевского университета, работал в Киевской конторе Государственного Банка, нотариус при Екатеринославском суде (1918), заведующий канцелярией суда (1919), эмигрировал через Константинополь во Францию, работал на заводе в Нормандии, затем в Париже, прихожанин Св.-Сергиевской церкви в Коломбеле, долготелний псаломщик Христо-Рождественской церкви в Монруже под Парижем, состоял в

стал священником церкви при русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа,⁵¹ а третий, отставной офицер Белой армии, служил почти сорок лет настоятелем храма в Белфоре и благочинным приходов восточной области Франции.⁵² Действительно, незаурядное явление, когда сам приход вырастает из своих недр своих будущих пастырей. Или другой пример – Нильванжский приход, который несмотря на свои скромные доходы – большинство членов местной общины работало в шахтах –, давал полную стипендию на обучение в Св.-Сергиевском институте одному из своих прихожан с тем, чтобы он стал в дальнейшем священником. Таких примеров можно было бы привести еще много. По истине, священнослужители – особая глава в истории русской эмиграции. Это были люди, преданные Богу и народу своему, люди, которые верили в будущее России и в духовную миссию Православия.

юрисдикции митр. Евлогия (Георгиевского), диакон (19.7.1945), приписан к Христо-Рождественской церкви в Монруже, затем к Галлиполийской церкви в Париже (7.12.1945), священник (27.6.1948), хиротонию совершил епископ Кассиан (Безобразов) в храме Сергиевского Подворья в Париже, настоятель церкви Казанской иконы Богородицы в г. Бордо (27.6.1948-20.10.1953), настоятель церкви при старческом доме в Грассе (20.10.1953-30.4.1963), настоятель церкви при старческом доме в Сан-Рафаэль (16.6.1958), протоиерей (1961). Архив: Послужный список о. Н. Смирнова (1948-1963) // АЕУА.

⁵¹ ЕРГИН Александр Гаврилович (29.7.1894, Вятка, Вятской губ. – 3.6.1977, Сент-Женевьев-де-Буа, Франция), протоиерей. Из семьи духовенства, сын священника, погибшего в ссылке в Советской России, женат. Окончил Глазовской Духовной семинарии (1911), учитель сельской школы (1912-1914), мобилизован, участник 1-ой мировой войны на северном фронте, достиг чина штабс-капитана, после октябрьской революции арестован и заключен 8 месяцев в тюрьме в Архангельске, участник Гражданской войны в рядах Добровольческой армии на северо-западном фронте, взят в плен немцами в Познани и сослан в Германию, работал на ферме в Померании, затем на цементном заводе в Ганновере, после освобождения переселился во Францию (1923), работал на металлургическом заводе в Нормандии (1923-1942), прихожанин Св.-Сергиевской церкви в Коломбеле, окончил Парижский Св.-Сергиевский богословский институт (1944), состоял в юрисдикции митр. Евлогия (Георгиевского), диакон (6.12.1942), священник (4.11.1944), рукоположение совершил епископ Иоанн (Леончуов) в храме Сергиевского Подворья в Париже, настоятель Христо-Рождественской церкви в Монруже под Парижем (4.11.1944-7.11.1952), тюремный священник Парижского округа (1944-1977), настоятель кладбищенской Успенской церкви в Сент-Женевьев-де-Буа (7.11.1952-1.5.1975), председатель Комитета по уходу и сохранению православных русских могил на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа (1952-1975), протоиерей (7.1.1955), зачислен за штат по болезни (1.5.1975). Архив: Послужный список о. А. Ергина (1944-1977) // АЕУА. Лит.: *Зандер В.* Отец А. Ергин. Некролог // РМ, 1977, № 3158.

⁵² ПОПОВ Евгений (1.3.1897, с. Альферовки, Воронежской губ. – 7.8.1983, Бельфор, Франция), митрофорный протоиерей. Женат. Учился в Воронежской духовной семинарии, но не закончил полного курса, затем учился в Харьковском университете два года, участник 1-ой мировой войны и Гражданской войны в чине офицера, эмигрировал через Константинополь во Францию (1920), жил и работал в Нормандии, псаломщик Св.-Сергиевской церкви в Коломбеле (1926-1930), состоял в юрисдикции митр. Евлогия (Георгиевского), диакон (13.7.1930) с оставлением на псаломщической вакансии при церкви в Коломбеле, священник (28.9.1943), рукоположение совершил митр. Евлогий (Георгиевский) в Св.-Александро-Невском храме в Париже, помощник настоятеля церкви в Коломбеле (1943-1945), вследствие затруднений с новым настоятелем иеромонахом Павлом (Голышевым) назначен на должность исполняющего пастырские обязанности для рассеянных прихожан в департаменте Орн (27.4.1944-1.4.1945), настоятель Воскресенской церкви в Бельфоре (1.4.1945-7.8.1983), благочинный приходов восточной области Франции (15.9.1950), протоиерей (5.10.1952), по совместительству настоятель Св.-Александро-Невской церкви в г. Крезо (17.9.1970-1979), митрофорный протоиерей (1970). Архив: Послужный список о. Е. Попова (1930-1983) // АЕУА.

Можно лишь сожалеть о том, что жизнь и деятельность членов духовенства в эмиграции пока еще не изучена ни с точки зрения церковной истории, ни с точки зрения социологии или материальной культуры. Полного списка священнослужителей русской эмиграции пока еще не существует, в то время как уже появились различные словари художников и писателей эмиграции, а также исследования об ученых, политических и военных деятелях. Предпринятое нами составление «Биографического справочника православных священнослужителей, богословов и церковных деятелей русской эмиграции в Европе» ставит себе целью восполнить этот пробел и помочь историкам эмиграции во-первых лучше определить жизненный путь того или иного священнослужителя, а во-вторых лучше оценить общий вклад православного духовенства в историю Зарубежной России. Наш труд содержит широкий список членов духовенства трёх церковных юрисдикций – епископов, священников и диаконов – а также крупных богословов и особенно деятельных мирян Русского Православия зарубежом в период с 1920 по 2000 (двухтысячный) гг. Цели и задачи данной работы определил и характер её источников. Работа построена на основании вышеуказанных архивных материалов, а также различных печатных материалов, почерпнутых как из общецерковных, епархиальных, приходских журналов и листков, так и из общественных газет эмиграции. Всего составленный справочник содержит более тысячи шестидесяти фамилий. Мы надеемся, что справочник скоро выйдет на русском языке и таким образом поможет историкам эмиграции во-первых лучше определить жизненный путь того или иного священнослужителя, а во-вторых лучше оценить общий вклад православного духовенства в историю Зарубежной России.

Проф. А. Нивьер
Antoine Nivière
Université de Lorraine
CERCLE EA 4372